

На пороге 25-летия

Гастроли Черновицкого театра в Москве

Низко нависло над селом Марьяновкой неласковое зимнее небо. Метет метель, заноса сыпучим снегом бедные крестьянские хаты, а у обледелого тына застыла сиротливая фигура старой Притычки. Напрасно ждет она мужа, отправившегося в город в надежде выручить хоть немного денег в эту голодную, злую зиму. Замела метель на шляху его, осталась вдовой старуха-жепа, сиротой дочь Хрыстя.

Так начинается спектакль Черновицкого украинского театра «Уличная». Короткая, почти безмолвная сцена. Но в ней с наибольшей силой раскрылась ведущая тема постановки украинской классики на сцене Черновицкого театра.

О тяжелой, безрадостной доле трудового народа, угнетавшегося чиновниками, ограбленного помещиками, обманутого кулаками-миродами, повествуют эти спектакли. О жестокой, мучительной доле, рождающей в душах простых людей протест, ненависть, гнев, прорывающиеся в уходе батрака Василя Безродного в гайдамаки («Лымеривна»), в угрозе бедняка из Марьяновки Ивана Палыводы пустить «красного петуха» во владения новых хозяев пореформенного села — кулаков.

«Лымеривна» и «Уличная» (инсценировка известного романа «Гулящая») принадлежат перу классика украинской литературы Панаса Мирного, чьи произведения по праву считаются энциклопедией украинской жизни. Его романы, рассказы, драмы привлекают глубоким знанием быта, нравов самых различных слоев общества, любовью к простому народу, ненавистью к его угнетателям. Эти особенности творчества писателя — революционного демократа определили направление работы постановщика «Уличной» и «Лымеривны» Е. Степанова. В спектаклях дорожное стремление театра воссоздать жизнь украинского села XVIII и XIX веков во всей ее сложности и противоречиях, показать отталкивающий быт городского чиновничества и мещанства.

Стоит вспомнить праздник в доме лавочника Загнибеды, которому кулак Супруненко подлостью и обманом отдал в «наймычки» крестьянскую девушку Хрыстю.

Здесь не нужно никаких пояснений. Тот ужас, отвращение, стыд, которые читаешь в глазах Хрысти, говорят нам ярче всяких слов, как тяжело человеку в этом царстве жадности, тупости, зависти и злобы.

Или возьмем еще одну сцену из того же спектакля, когда в лютый мороз, в метель толпятся у волостного правления не уплатившие податей бедняки. Достаточно взглянуть на их замерзшие, дрогнувшие в старых, перелатанных кожных фигурах, чтобы понять: не первый час ожидают они выхода старшины — односельчанина Карпо Здира. И стоит только послушать их короткие, гневные реплики, чтобы увидеть: близится конец терпению народа и зарево пожара, поднявшееся над Марьяновкой, — провозвестник грозных и решительных дней.

Когда вспоминаешь эти два спектакля и поставленную Б. Борным с тонким чувством стиля автора народную песню «В воскресенье рано зелье собирала...» О. Кобылянской, имя которой носит театр, то целая галерея самых разных людей с их различными судьбами и характерами встает перед глазами.

Это темпераментно воплощенные В. Беспалетовой образы крестьянских девушек Лымеривны и Хрысти с их безотрадной, трагической судьбой. Это полный горьких раздумий о жизни, где люди, «как собаки, грызутся», где богачи «готовы весь мир проглотить», батрак Василь Безродный, привлекающий в исполнении Н. Шутько душевным благородством и чистотой. Это созданный тем же актером в спектакле «В воскресенье рано зелье собирала...» образ легкомысленного парубка Грыця, отравленного за измену любимой гуцульской девушкой Татьяной, роль которой с искренностью, непо-

средственностью и увлечением исполняет актриса В. Зимняя. Это и славостлюбивый мошенник мясник Колесник (артист В. Сокирко), взявший на содержание Хрыстю. Это и старый цыган-скрипач Андронати (артист Ю. Козаковский).

На программах театра стоит: «Год существования двадцать пятый». Отраднo, что в этот знаменательный для себя юбилейный сезон Черновицкий театр приехал в столицу. Коллективу есть о чем рапортовать.

Но, радуясь творческим успехам украинских гостей, все же нельзя освободиться от чувства известной тревоги, беспокойства за судьбу талантливого коллектива. Было бы наивным спорить против плодотворности стремления театра к обострению конфликта того или иного произведения. Но не впадают ли порой и режиссура и исполнители в прямолинейность, риторику?

И, право, если бы такая талантливая и опытная актриса, как А. Янушевич в роли свекрови Лымеривны кулачки Шкандыбики изображала не исчадие ада, не ведьму, а хитрую, подлую, неискреннюю до мозга костей бабу, то куда полнее и страшнее был бы образ погубительницы Натальи! И насколько плодотворнее, богаче, интереснее тот путь, по которому идут в том же спектакле режиссер Е. Степанов и Р. Раисова — исполнительница роли Лымерихи, пропившей и прогулявшей свою дочь. Актриса передает и пьяный разгул и наивный эгоизм матери Натальи, спустившей за горилку и мужнее добро и даже родную дочь, но в то же время она показывает и ее пробуждение — трагическое потрясение Лымерихи, увидавшей, каково приходится ее Наталье в доме богатого мужа.

И если в первых актах пошатывающаяся фигура Лымерихи со свиткой, лихо спущенной с плеча, вызвала в зрительном зале веселое оживление и смех, то какая взволнованная тишина наступает в тот миг, когда буквально на глазах постаревшая и осунувшаяся Лымериха, зябко кутаясь в старенькую свитку, смотрит полными слез глазами на свою несчастную, обманом выданную замуж дочь.

Эти две тенденции — сурового, глубокого изображения жизни такой, какова она есть, и риторики, мелодраматизма, прямолинейности — живут в спектаклях коллектива, переплетаясь еще к тому же стремлением к идеализации, приукрашиванию жизненных явлений.

С особой силой эти противоречия сказались на поставленной Б. Борным пьесе украинского драматурга А. Школьника «Человек ищет счастье».

Справедливость требует признать, что сама пьеса — наивно-дидактическая и прямолинейная — толкала на неглубокое, поверхностное решение острых и волнующих проблем, затронутых драматургом. Но театр вместо того, чтобы обогатить схематичные образы пьесы, усилить, углубить драматизм судьбы школьника Владимира Кулешова, оказавшегося на улице после вторичной женитьбы отца — крупного инженера, пошел по пути создания благополучно-парадного представления.

Этим, как видно, и объясняется то, что детский дом, куда попадает Володя, расположен в большом, роскошном особняке, и когда одна из воспитанниц детского в шутку называет новичка Кулешова «графом», а он парирует ей в ответ: «графиня», то эти реплики звучат скорее злой иронией в адрес самого театра.

В спектакле есть актерские удачи, как упомянутые выше исполнители ролей отца Володи и директора детдома. С большой искренностью проводит роль Володи Кулешова артист А. Пономаренко. Но все это не может выручить спектакль. Жизнь предстает в этой постановке приукрашенной, приглаженной, обедненной. И этот печальный пример заставляет напомнить театру на пороге его двадцатипятилетия, что только в борьбе за суровую, высокую правду жизни создается настоящее искусство.

Бор. МЕДВЕДЕВ.

На снимке: сцена из спектакля «Лымеривна».